

УДК 811.161.1

И. А. Королева

ИЗ ИСТОРИИ СКЛАДЫВАНИЯ РУССКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ ИМЕНОВАНИЯ В СМОЛЕНСКОМ КРАЕ (ПО ПАМЯТНИКАМ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА)

5

На материале памятников смоленской деловой письменности XVII века в русле антропологистики и социолингвистики рассматривается становление официальной антропонимической формулы именованя русского человека в Западном регионе России, на территории, которая в указанный период входила в состав Речи Посполитой, а затем была возвращена в состав Московского государства. Акцент делается на специфике процесса.

The author studies commercial documents (Smolensk, 17th century) from the perspective of anthropolinguistics and sociolinguistics to trace the development of the official anthroponymic formula in the western region of Russia. At that time, Smolensk was part of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The article places emphasis on the specifics of the naming process.

Ключевые слова: антропонимическая формула именованя, история, русский, Смоленский край, памятник деловой письменность, социальность.

Keywords: anthroponymic formula, history, Russian, Smolensk province, historical commercial documents, social character.

Одним из важных вопросов исторической антропонимики как особой области ономастических исследований является вопрос о формировании общерусской трехчленной антропонимической формулы именованя человека. Этот процесс необходимо проанализировать на отдельных русских территориях, ибо, как известно, помимо общих черт, имеющих место в славянской ономастике в целом, даже в рамках одного языка система собственных имен, в частности антропонимов, не одина. Разработка основных проблем исторической антропонимики непосредственно связана с всесторонним изучением региональной антропонимии как на одном из этапов ее развития, так и в динамике. Это позволяет выявить особенности называня жителей на какой-либо ограниченной территории и в то же время помогает понять особенности общерусской системы именованя. При этом, учитывая смежный характер антропонимики как науки, ее связь с историей, географией, социологией, культурологией, исследование региональных антропонимических систем необходимо проводить с учетом особенностей социально-исторического развития конкретных территорий, широкого культурно-исторического фона эпохи [7, с. 5].

Антропонимия Смоленского края представляет собой сложную и во многом специфическую по отношению к другим русским территориям систему, что во многом связано с историческими судьбами Смоленщины и с ее приграничным географическим положением. В силу означенных экстралингвистических факторов антропонимическая система края во многом схожа с белорусской. И вместе с тем определенная близость к Москве — центру Русского государства — обуславливает некоторую общерусскую регламентированность в употреблении антропонимических формул, особенно в те исторические периоды, когда Смоленский край входил в состав Московской Руси. Это наглядно проявляется, например, в начале XVII в., накануне сдачи Смоленска и присоединения края к Речи Посполитой.

Структурные формулы именований смолян хорошо анализировать, используя уникальный свод документов времен осады Смоленска поляками в 1609–1611 гг., отражающий жизнь осажденного города достаточно полно. Представлены именованья смолян и жителей других территорий, защищавших город или нашедших убежище в Смоленской крепости. Таким образом, документально можно проследить за сложными миграционными процессами, неизбежными в трудные для государства военные времена и отразившимися в антропонимии Смоленского края.

Развернутые структурные формулы именования, включающие в себя максимум дополнительных апеллятивных конкретизаторов антропонимов, имеют место для лиц всех социальных групп:

Се аз поп Олексеи Григорев сынъ Клинской священник села с Ухини да яз поп Мелентей Борисов сынъ что на Шекином Егоровьском попь... [3, №101] — допрос; Скинулис вязмяне посадцкие люди Петрушка, портной мастер, Кононко Михалев да с ними ж два человека товарищей, а хто, имен того не ведаем [3, №210] — расспросные речи; крестьяне Щучейской волости Павел Головачов з Дубинова... [3, №13] — челобитная крестьян о защите; Сотник посадцкой человек Богдан Захарьев сынъ Пашковъ [3, №234] — список; ...и взяли въ язьцех вязметина Олексеева человека Елчанинова... Степана Опушина... да с вязмичи з детми боярскими... с Ъваном с Челосткиным... [3, №48] — донесение смоленских воевод о положении дел в приграничных волостях; Пушкарь Офонасей Федоров, стоят у него Козариновы крестьяне Бегичевы Дубровенского стану деревни Кутковы Ивашка Ондреевъ сынъ да дети его Павликъ да Гришка да Иван Коледа деревни Сорокиной [3, №239] — роспись для сбора даточных людей, живущих у смоленских пушкарей — и т. п.

В строго официальных документах (поручных записях, расписках о денежной раздаче и др.) практически всегда именованья всех смолян трехчленные:

...се яз Петръ Васильевъ сынъ Баскакав да яз Данило Иванов сынъ Зубова... да яз Второй Михайлов сынъ Вяземской да яз Михаило Иванов сынъ Суцов... да яз Терюшной Леонтьевъ сынъ Аблязовъ... да яз Невежа Васильев сынъ Елецкой... выручили... [3, №141] — дорогобужане.

Правда, следует отметить, что в целом на Смоленщине традиционно двучленные структуры все же преобладают:

князь Семен Одогуров [3, №4] – отписка в Москву; сотник Семой Соколов... дворцовые крестьяне Порецкой волости Ивашка Немытков с товарищи [3, №26] – допрос; посадские люди Ивашка Ивашенин, Терех Ивашенин, Дементей Попов, Лука Горбачов [3, №168] – отрывок судного дела – и т.п.

Определенную антропонимическую значимость имеет тот факт, что актывые материалы свода, составленного Ю.В. Готье, написаны разными лицами. Так, например, часть текстов писал подьячий Василий Ильин. По этим документам можно сделать вывод, что писец был достаточно опытным, грамотным человеком. Все акты, подписанные им, весьма строго, по трафаретам, оформлены, и часто уже В. Ильин пытается унифицировать написания именованных – обычно он использует традиционно трехчленную формулу и дополнительные апеллятивные конкретизаторы антропонимов: «смоленин Иван Офонасьев сынъ Кошелевъ» [3, №268] – челобитные. Сам писец также всегда подписывается официально – полной формой имени и фамилией: «Приписалъ подьячей Василией Ильинъ» [3, №247] – роспись хлебной раздачи.

Другой же подьячий – Добрынка Клюквин – писал документы менее грамотно (в текстах находим отражение аканья, диалектизмы и пр.), менее строго (например, в списках не унифицированы структурные формулы, есть записи прозвищ, редко записываются полные формы имен и т.п.) [3, №208, 234] и др.

Определенную роль при записи антропонимических формул играют целевые установки, данные писцу. Чем меньше известен человек, тем подробнее (если это возможно) проводится его описание, что в осужденном городе должно было облегчить властям при необходимости идентификацию лица. Если же указывались хорошо известные бояре, дворяне, то, например, часто антропонимические структуры сокращались до минимума – имени и фамилии. То же можно сказать о случаях, если списки дублировали в большом количестве именованья отдельных лиц (списки на раздачу хлеба, соли, списки семей и пр.).

Особый интерес вызывают документы, составленные не по трафарету или образцу, – это подробные записи расспросных речей лазутчиков или бежавших из города и пойманных, где описаны частные случаи бытового характера и упоминаются многочисленные родственники или знакомые допрашиваемых: «...Николской поп государь Василей что с Ухини костер дровъ крежевья у меня покрал... да, не скожас мне, беремени з два сена украл...» [3, №101] – расспрос по краже.

Естественно, что смоленские писцы составляли бумаги в основном по образцу московских (отметим попутно, что в конце XVI в. во время строительства смоленской крепостной стены в город приехало много «московских» людей, часть которых так и осела в крае), однако анализ памятников письменности московского периода все же позволил выявить некоторые местные особенности в структурной формуле именованья: чаще, чем на других русских территориях, в Смоленском крае для всех социальных групп населения использовалась традиционно дву-

членная формула — имя и фамилия. Конечно же, при подробном описании имели место дополнительные апеллятивные конкретизаторы антропонимов.

Для изучения антропонимии Смоленщины во второй половине XVII в., после освобождения региона от поляков, первостепенную ценность представляют расписные списки в сопоставлении по годам. В нашем распоряжении были смоленские списки 1659 г., когда город только что был присоединен к Москве, 1681-го и 1694 г., то есть времени, когда в крае уже укрепились московские каноны делопроизводства.

В первом из перечисленных выше списков хорошо представлен состав ремесленников, места, откуда приезжали в Смоленск на жительство после освобождения в 1654 г. люди, численный состав населения, профессии смолян и, конечно же, наглядно отражены структурные модели именования. Обычны указания на должность (бурмистр, десятник и пр.), на прежнее (для приезжих) место жительства, естественно, на профессию, а также упоминание имени и фамилии именуемого, то есть стандартные структуры двучленны.

Мещане, которые живут за рекою Днепром на посаде:

Староста Агап Устинов, у него сын Митка, человек Мартинко; Ивашка Кодинский, у него зять Мишка Бульгин; Кирилко Ярев, прихожий из Дубровенского стану; Дениска Антонов, прихожий из Вилны... Рыбные ловцы осмь члвкъ, а бою у них бердыши и рогатины. Староста Гришка Федоров, у него сын Герасимко. Бориска рыбац, Зиновко рыбац, Максимко рыбац, Кондрашко рыбац. У него два соседа Осипко Офонасьев да Илюшка Остафьев, оршанцы... роспис справил Якушко Петелев [9, ф. 145/1, 5, л. 752—792].

Для сравнения антропонимических формул возьмем последние списки 1681 и 1694 гг.

Здесь в основном можно отметить уже более строгие формуляры росписей шляхты, мещан (по статьям), приезжих из Москвы служивых людей и пр. Везде в списках практически только полные имена, стандартная трехчленная формула именования (соотношение с двучленной — три к одному).

Список смоленским мещанам:

Бурмистр Василей Любовецкой, у него сын Данилко с ружницею, а у Данилка сын Алешка полугоду да племянник жены ево Ивашка. Павел Петров сын Шеховской, Емельян да Степан да Мосей да Иван Александровы дети Ждановы с саблями, Митка Орехов, Ивашко Семенов сын Ковалев, Мишка Иванов сын Кравец, Якушко Иванов сын Пагуленок...

Тое ж Г статьи смоленские посадские люди, что живут за городом в слободе Рачевке:

Ефим Злобин, Степан Яковлев сын Терюшеной... [9, ф. 145/1, 20, л. 851—895].

Служивая шляхта:

Ивань Павловъ снъ Борщевской

Михайло Хонякевичъ

Василей Горцевичъ

Степанъ Степановъ снъ Иваневичъ

Андрей Романов снъ Орель

Лаврентей Романовъ снъ Орель
Гарасимъ Груневской
Григорей Андреевъ снъ Петровской
Григорей Лабуоть... [9, ф. 145/1, 36, л. 271–300].

Однако, как видим, все же структурные формулы, включающие в себя главные в стандартном понимании компоненты — имя и фамилию — преобладают над стандартно трехчленными, что обусловлено, на наш взгляд, влиянием польской антропонимии, ибо всю первую половину XVII в. антропонимическая система Смоленщины стандартизовывалась по польским моделям. На других русских территориях трехчленные формулы бытовали гораздо активнее. Так, Н.К. Фролов утверждает, что к концу XVII в. стандартная трехчленная формула довольно устойчиво закрепились среди именованя воронежцев [11, с. 180]. Двучленные именованя составляют приблизительно треть, а трехчленные — две трети в десятнях русских городов XVII в. [4, с. 23–24] и пр.

Разборный именной список смоленской шляхты 1668 г. почти весь представляет собой только двучленные антропонимические формулы именованя. Фамилии шляхтичей более чем наполовину имеют в своем составе суффикс *-ск-* и оформлены по польскому образцу (*-ски*); окончания *-ий* и *-ой* встречаются гораздо реже:

Леонтей Поплонски
Костентинъ Лярски
Андрей Денисовичъ
Василей Потемкин
Филип Каховской
Яков Бедрицки
Ян Догановски
Петр Догановски
Александр Верховски
Федор Лопата
Миколай Колпински
Самойло Прокоповичъ
Василей Яскевский
Станиславъ Пузыревски
Лука Медвецкий и пр. [9, с. 145/1, 10].

Возможно, употребление стандартно двучленной или трехчленной формулы в списках в какой-то мере зависело от писца, от того, следовал он московским или польским канонам делопроизводства, которые уже обозначились к концу XVIII в. Так, например, писец, который составил роспись шляхты для генерал-майора Константина Петрова сына Лярского [9, ф. 145/1, 36, л. 276 об.], 1694 г., гораздо строже следовал московским образцам:

Юрья Иванов сынъ Богдановичъ
Прокофей Дементьев сынъ Речичъ
Яков Остафьев сынъ Мрачковской
Афонасей Дукшта
Василей Павлов сынъ Краевской...

Обратим внимание, что в этом списке — мягкое русское *ч*, стабильное окончание *-ей* в именах на *-ий*, окончание *-ой* в фамилиях польского происхождения с суффиксами *-ск-/-цк-* и пр.

Итак, становление современной официальной трехчленной антропонимической формулы именованя русского человека в XVII в., в период формирования общерусских лексических и антропонимических норм, мы рассмотрели на смоленском материале с двух позиций: с учетом социального фактора в названии лица и с учетом жанровой спецификой документа, в котором фиксируется то или иное именование.

О социальном расслоении антропонимических структурных формул написано достаточно [1; 2; 4–6; 8; 10], и, естественно, неизбежны повторы одних и тех же доводов, которые можно обобщить и сформулировать в виде следующего основополагающего тезиса: в период формирования русской антропонимической системы классово-социальные отношения на Руси играли определяющую роль в выборе антропонимических средств, необходимых для идентификации личности; именно материальное и социальное положение являлось главным мотивом в построении антропонимической формулы именованя русского человека. Существуют замечания следующего рода: «У всех социальных слоев населения древнерусского государства отмечаются разные формулы именованя. Выбор и сама структура именованя были социально-исторически обусловлены, сословны» [6, с. 9]; «Разумеется, по отношению к именованям лиц разных социальных слоев существовали разные критерии, регулирующие их нормированное использование» [2, с. 69] и т. п.

Безусловно, социальный фактор в формировании современной трехчленной официальной формулы — имя, отчество, фамилия — имеет место, но, как мы считаем, не является единственно определяющим. Важную роль играют жанрово-стилистические особенности документа, в котором засвидетельствовано то или иное именование: выбор той или иной антропонимической формулы самым тесным и непосредственным образом связан с целями и задачами, реализующимися в записи именованя, которые регламентируются характером документа. Таким образом, при рассмотрении вопроса о формировании современной антропонимической нормы следует учитывать и сословное положение именуемых, и жанрово-стилистические особенности источников, в которых фиксируются именованя.

Помимо того, необходимо иметь в виду, что официальная трехчленная формула дольше складывалась на периферии, чем в центре Русского государства, откуда, собственно говоря, и распространилось ее закрепление в делопроизводстве. При описании процесса складывания структуры «имя, отчество, фамилия» необходимо учитывать территориальную приуроченность анализируемых актовых материалов.

Список литературы

1. Бахвалова Т. В. Из истории развития личных имен в Белозерье (На материале письменности XVI—XVII вв.) // Проблемы ономастики : сб. науч. ст. Вологда, 1974. С. 119—124.

2. Ганжина И.М. Формирование антропонимической нормы в XVI—XVIII вв. // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах. Тверь, 1995. С. 68—91.

3. Готье Ю.В. Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. М., 1912.

4. Закачкиова Т.А. Русская антропонимия XVI—XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

5. Зинин С.И. Русская антропонимия XVI—XVIII вв. (На материале переписных книг городов России) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

6. Кононенко В.А. Древнерусская патронимия X—XIV вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1987.

7. Королева И.А. Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики. Смоленск, 2000.

8. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

9. Российский государственный архив древних актов.

10. Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII веке (на материале памятников местной деловой письменности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1996.

11. Фролов Н.К. Антропонимия Приворонежья XVII века : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1972.

Об авторе

Инна Александровна Королева — д-р филол. наук, проф., Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: innakor@mail.ru

The author

Prof. Inna A. Koroleva, Smolensk State University, Russia.

E-mail: innakor@mail.ru